

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

М. В. Воробьева

ПОНЯТИЕ МЕНТАЛИТЕТА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматриваются различные концепции понятия «менталитет», возможности, целесообразность и условия использования этого понятия в культурологических исследованиях.

Понятие менталитета сравнительно недавно (в начале XX в.) обогатило гуманитарную науку. Открывшее новые перспективы исследований, ставшее ценным методологическим инструментом, который позволил многое познать в действительности ушедших эпох, это понятие пользуется большой популярностью в научной среде, активно применяется не только в анализе прошлого, но и настоящего, с его помощью пытаются определить нынешнее состояние социума и его культуры, изучают острые их проблемы. Словом, использование данного понятия является весьма плодотворным. Однако это не мешает видеть недостатки, коренящиеся как в нем самом, так и связанные с его использованием. В статье рассматриваются различные концепции менталитета, возможности и целесообразности употребления самого понятия «менталитет» в культурологических исследованиях.

С выделением и обособлением в гуманитарном знании культурологической науки понятие менталитета постепенно входит в ее оборот. Это неудивительно, если учесть, что цель культурологии — изучение феноменов культуры, в частности социокультурных установок, представлений, стереотипов, ценностных систем. Культурология стремится показать содержание каждой минувшей эпохи через внутренний мир человека, в качестве материала для анализа привлекая продукты культуры — разнообразные исторические свидетельства: данные археологии, истории техники, языка, хозяйственные документы, письменные источники. Но того же самого добиваются историки, работающие с ментальной сферой. По-

этому концепция менталитета органично влилась в русло новой гуманитарной науки. Нередко историки, для которых менталитет определенных исторических периодов является объектом научного интереса, считаются также исследователями культуры (такowymi часто называют ученых школы «Анналов» — М. Блока, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа, Ф. Броделя, Ж. Дюби, А. Буро, Ф. Грауса и др.). В российской культурологии сложилось самостоятельное направление — культура ментальностей, среди наиболее известных представителей которого называют А. Я. Гуревича [1981, 1984, 1989, 1990], Ю. Л. Бессмертного [1969, 1991а, б], А. Л. Ястребицкую [1978, 1995], В. П. Даркевич [1972, 1988], О. А. Добиаш-Рожественскую [1987] и др. [см., в частности: Культурология..., 1998].

Предопределяет вхождение понятия ментальности в область культурологической науки его соответствие чрезвычайно значимой для культурологии ставке на междисциплинарность. Культурология — интегративная область социогуманитарного знания, образовавшаяся на стыке нескольких наук — философии культуры, культурной антропологии, социологии, психологии, истории, лингвистики. Культурология употребляет методологические подходы перечисленных наук, пользуется материалами исследований, осуществляемых данными науками, добываясь обобщения и синтеза знаний. И понятие менталитета в том смысле, каким его наделили ученые школы «Анналов», ориентировано на междисциплинарность. Еще представители этой школы М. Блок, Л. Февр и другие связывали исследования историко-культурных реалий, среди которых и менталитет, с междисциплинарным подходом и не считали их изучение возможным без привлечения знаний нескольких наук, например экономики, социологии, этнологии, лингвистики, психологии [см.: Блок, 1986; Февр, 1991]. Школа «Анналов» со времени появления стремилась к созданию синтеза знаний, соединению их в комплексы. Установка на междисциплинарность и объединение знаний делает возможным употребление понятия ментальности в культурологической науке, сближает с другими концепциями культурологии, объясняет его востребованность в рамках культурологии.

В современной российской культурологии различные концепции ментальности используются в исследованиях разнообразного характера и масштаба — теоретических и прикладных, узконаправленных и общих. По темам, связанным с ментальной проблематикой, публикуются статьи, монографии, защищаются докторские и кандидатские диссертации. Понятие ментальности в них развивается и активно разрабатывается, изучается менталитет в целом, его структура и компоненты, рассматриваются ментальности разных этносов, социальных групп. Но, несмотря на востребованность понятия, задача охарактеризовать его содержание вовсе не проста. Тем не менее попробуем определиться с содержанием анализируемого понятия.

Первая сложность, возникающая при попытке установить содержание понятия, связана с тенденцией разделения терминов «ментальность» и «менталитет», появившейся внутри направления исследований культуры ментальностей. Некоторые современные ученые, занимающиеся ментальными феноменами, отделяют понятие «ментальности» от понятия «менталитет». Так, Л. Н. Пушкирев причис-

ляет менталитет к общим социокультурным категориям, а ментальность, в его понимании, более конкретна, относится к различным социальным стратам и историческим периодам [см.: Пушкарев, 1995]. Д. В. Полежаев предложил соотнести ментальность и менталитет в виде части и целого, предположив, что ментальность есть глубинный уровень индивидуального сознания, устойчивая система жизненных установок отдельной личности, отражающая неповторимое, многообразное, динамичное в духовном мире и деятельности человека, а в менталитете видя систему внутренних, социально-психологических установок общества [см.: Полежаев, 2001]. П. К. Дашковский тоже разделяет понятия менталитета и ментальности, понимая под менталитетом «особый культурно-исторический феномен, отражающий индивидуально (социально)-психологическую специфику и духовное состояние субъекта (личность, социальная группа, этнос и т. д.) социально-исторического бытия», а под ментальностью — «универсальные базовые конструкты духовной жизни общества, формирующиеся в социокультурном пространстве в конкретные исторические периоды» [Дашковский, 2002, 44]. Обозначенной проблеме посвящены работы Г. Н. Дрепы, А. Н. Дмитриева, Э. Я. Дмитриевой, Е. Ю. Зубковой, А. И. Куприянова, Т. В. Ивановой, В. К. Трофимова, Е. В. Фещенко, Н. С. Южалиной и др.

Разделение понятий имеет как недостатки, так и достоинства. В настоящее время значение терминов «ментальность» и «менталитет» не является жестко определенным и общепризнанным. К тому же не все ученые поддерживают дифференциацию понятий, поэтому употребление двух близких по значению терминов вполне способно породить путаницу. Это основной недостаток понятийного деления «ментальности» от «менталитета». К достоинствам же следует отнести то, что разделение понятий полезно в смысле достижения большей строгости, четкости обоих понятий, перехода к более чуткому подходу к ментальной области. Возможно, само появление двух схожих терминов зафиксировало наличие близких, родственных, но все-таки различающихся феноменов реальности.

Однако тема разделения понятий дискуссионна, слишком специальна и требует особого исследования. Понимая всю сложность и значимость затронутой темы, в рамках данной статьи мы не станем ее развивать, поскольку это не является главной нашей целью. Для облегчения понимания термины «ментальность» и «менталитет» будут употребляться в качестве синонимов, тем более что большинство ученых уравнивают один термин с другим.

Следующая сложность, из-за которой нелегко установить точное значение понятия «менталитет» — наличие множества дефиниций, высвечивающих различные аспекты этого весьма емкого и довольно аморфного понятия. Чтобы наглядно продемонстрировать сложившееся положение, мы воспользуемся обобщением, сделанным российским ученым Р. А. Додоновым. Занимаясь проблемой менталитета, он собрал и классифицировал несколько десятков распространенных дефиниций ментальности, взяв за образец хорошо известную классификацию определений культуры А. Кребера и К. Клакхона, появившуюся в труде «Культура. Критический обзор концепций и определений» [см.: Додонов, 1998]. Структура клас-

сификации Р. А. Додонова послужит нам основой. Некоторые определения менталитета самостоятельно найдены нами в трудах зарубежных и отечественных ученых и добавлены в классификацию.

1. **О п и с а т е л ь н ы е о п р е д е л е н и я**, которые в основном сосредоточены на перечислении компонентов менталитета:

- «ментальность, менталитет — глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное. Ментальность — совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» (В. П. Визгин) [Современная западная философия, 1998];

- менталитет — «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности людей или группы, состояние ума», «совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад мышления» [цит. по: Пушкарев, 1995, 160].

2. **П с и х о л о г и ч е с к и е о п р е д е л е н и я**, где термин «менталитет» относится к психологическим категориям. При этом авторы подобных дефиниций определяют менталитет через такие понятия, как мышление, эмоции, потребности, архетипы, когнитивные эталоны, смыслы, мотивы, убеждения, идеалы, склонности, стереотипы и т. д.:

- ментальности — «не сформулированные четко и не вполне осознаваемые (или вовсе не сознаваемые) манеры мыслить, подчас лишённые логики умственные образы, которые присущи данной эпохе или определенной социальной группе. Эти способы ориентаций в социальном и природном мире представляют собой автоматизмы мысли» [Гуревич, 2005а, 535];

- ментальность — «характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте» (И. Г. Дубов) [цит. по: Додонов, 1998].

2. **Н о р м а т и в н ы е о п р е д е л е н и я**. В них главный акцент ставится на регулятивной функции менталитета, формировании им социокультурных норм, позволяющих индивиду ориентироваться в окружающем мире:

- «ментальность есть система образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом и функция которых — быть регулятором их поведения в мире... Менталитет <...> определяет и опыт, и поведение индивида и социальных групп» (А. П. Огурцов) [цит. по: Пушкарев, 1995, 163];

- «менталитет — устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), обуславливающий специфику способов их реагирования на феномены окружающей действительности» (В. М. Адрианов) [Современный философский словарь, 1998].

3. **С т р у к т у р н ы е о п р е д е л е н и я**. Авторы определений такого класса уделяют повышенное внимание структуре менталитета, подчеркивают признаки системности и организации:

- менталитет — «это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом, объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [Дюби, 1991, 52];

- ментальности — «действующие системы, зачастую противоречивые, но всегда структурированные, которые выступают как один из факторов, определяющих внутри сообществ действия, ощущения и мышление людей» (Граус Ф.) [цит. по: История ментальностей, историческая антропология, 1996, 92].

4. Генетические определения, вскрывающие происхождение феномена менталитета, перечисляющие факторы, воздействующие на процесс зарождения и эволюции ментальности:

- «менталитет — это родовая память. Она основывается на синтезе природной и социальной программ наследования» (В.П. Бех) [цит. по: Додонов, 1998];

- менталитет — «этический и познавательный код, мышление и чувствование» (Э. Шулин) [цит. по: Додонов, 1998].

5. Исторические определения, в которых ментальность является в виде «исторической памяти», «осадка истории», где акцентируется влияние исторической эпохи на сознание и бессознательное индивидов:

- ментальность — это «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. Ментальность — это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» (И. К. Пантин) [цит. по: Додонов, 1998];

- «историческая ментальность — это сочетание (Ensemble) способов и содержания мышления и восприятия, которое является определяющим для данного коллектива в данное время. Ментальность выражается в действиях» (П. Динцельбахер) [цит. по: История ментальностей..., 1996, 98—99].

Сам Р. А. Додонов вывел наиболее общие положения, содержащиеся в определениях ментальности. По его мнению, практически все исследователи согласны с тем, что менталитет, во-первых, это некие особенности мировосприятия, объединяющие представителей той или иной человеческой общности, во-вторых, менталитет есть проявление коллективной психики, обусловленное историческим развитием общности. Проанализировав приведенные нами определения ментальности, вполне возможно признать убедительность и правоту заключения Р. А. Додонова.

Таким образом, наличие множества разнообразных дефиниций показывает многогранность понятия, его смысловое богатство. И вместе с тем позволяет зафиксировать присутствие парадоксальной ситуации: большое количество определений с разными смысловыми оттенками позволяет применять данный термин

в исследованиях широкого спектра социокультурных реалий, однако это же свидетельствует о размытости понятия, ставит под вопрос эффективность его употребления для изучения конкретных проблем культуры.

Понятие менталитета не лишено серьезных изъянов. Отсутствие единого мнения относительно понятия, существование множества интерпретаций ведут к смутности и расплывчатости значения. Понятие делается столь обширным, что теряет отчетливые очертания и потому меняет смысл в зависимости от контекста употребления. Не вносит ясности то, что в сферу значения термина включают компоненты, представляющие собой самостоятельные научные понятия, требующие определения и конкретизации (под менталитетом подразумевают картину мира, коллективные представления, мировоззрение, мировосприятие, способ поведения и мышления, систему психологических установок, умонастроения). Кроме того, содержание ментального слоя в концепциях менталитета не структурировано, либо слабо структурировано. Менталитет в основной массе научных определений, которые ему даются, предстает конгломератом составляющих, мало связанных друг с другом (массовое сознание, коллективные представления, манеры мыслить, автоматизмы мышления, картина мира, способы ориентации в мире и т. п.). Как правило, не выстраивается четкой структуры ментальности, не проясняются связи между компонентами менталитета. За эти сомнительные с научной точки зрения качества понятие «менталитет» неоднократно подвергалось критике научного гуманитарного сообщества.

Стоит отметить, что в самой школе «Анналов», заложившей основы современного толкования понятия ментальности, не пришли к общей позиции относительно одного из ключевых понятий. Ю. Л. Бессмертный в статье «Анналы — переломный этап?» обращает внимание, что расхождения в понимании сути менталитета появились уже во время становления «новой исторической науки», ведь ученые — основатели школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр — имели разные взгляды на природу ментальности [см.: Бессмертный, 1991а]. Отсутствие единого мнения по поводу понятия становится причиной субъективизма: любой исследователь волен вкладывать смысл, наиболее соответствующий его собственному пониманию феномена, выражаемого данным понятием. В такой ситуации неизбежны расхожести в интерпретации менталитета, что и демонстрируют цитированные выше определения. Внутри школы «Анналов» раздаются призывы к обновлению концепции. А. Буро, представитель «новой исторической науки», настаивает на необходимости уточнения понятия ментальности. Мотивирует он свою позицию неоправданно расширенным толкованием, которое получило понятие. К примеру, многими учеными упускается из виду, что ментальные установки никогда не бывают всеобщими. По словам Буро, в работах историков школы «Анналов» господствующие ментальности постепенно абсолютизировались, им придавалось слишком большое значение, подразумевалось, будто они определяют мышление и взгляд на мир всех членов общества. Но приписывать большим общностям одни свойства мышления и способы мыслить, одинаковое мировоззрение неправомерно, ведь, как известно, общность сложна, составлена из групп, отличаю-

щихся друг от друга образом жизни, поведением, привычками, кругозором, логикой мышления, мировидением. Подобная трактовка понятия «ментальность» опасна своей тенденцией к обобщению, упрощению социокультурных реалий. Вдобавок, в исследованиях, посвященных проблемам менталитета, не проработан механизм воздействия ментальных стереотипов на отдельно взятую личность. Влияние ментальностей на мировидение и поведение индивидов признается, но каким образом это влияние оказывается, остается неизвестным [см.: Бессмертный, 1991а].

Показательна в данном вопросе точка зрения П. Рикера. Он констатирует наличие ситуации, при которой понятие ментальности одновременно используется в трех разных контекстах: 1) как предмет изучения, 2) категория социального отношения, 3) способ объяснения [см.: Рикер, 2004]. В последнем контексте термин используют как объяснение особенностей исторического периода без раскрытия конкретно-исторического содержания менталитета какой-либо эпохи. Это недопустимо, поскольку, вместо того чтобы служить выяснению и уточнению исторических обстоятельств, употребление понятия в подобном контексте закрывает путь к исследованию проблем, предлагая пустой и бессодержательный ответ (почему реалии страны в определенную эпоху были таковы? — потому что такова ментальность). Возбуждает сомнение у П. Рикера и то, отслеживается ли учеными, сосредоточившимися на ментальной проблематике, преемственность внутри ментальных структур в ходе развития и их внутренние связи. Также вызывает недоумение недостаточность усилий исследователей по выявлению способа усвоения ментальных образцов и анализу воздействия, какое они оказывают на индивидов [см.: Там же].

Разумеется, понятие ментальности имеет немаловажные изъяны, а его применение не всегда корректно. Кроме критиков, непосредственно с ней не взаимодействующих, недостатки признают и ученые, в чьих исследованиях концепция ментальности занимает основополагающую позицию. Но немаловажно задаться вопросом о причинах несовершенства концепции.

Мы предполагаем, сама неопределенность и бесформенность ментальной области, скрытый характер бытования и проявления обуславливают невозможность точно передать ее свойства при помощи любого понятия. Отпечаток, который на людях оставляет история, — зыбкий, не поддающийся однозначному определению феномен реальности. Никто не станет оспаривать разницу между людьми разных эпох, обществ, культур, однако обозначить качество, придаваемое людям временем, обществом и его культурой, очень сложно. Кроме того, необходимо учесть специфику гуманитарных дисциплин, их непохожесть на естественные и математические науки, изначальное отсутствие в них абсолютно строгих понятий. Это отчасти объясняет и оправдывает размытость понятия менталитета. Вместе с тем, думается, все-таки возможно и даже необходимо внести улучшения в понятие, скорректировать и упорядочить употребление.

Тем более что при всех своих слабостях понятие обладает и весомыми достоинствами, позволяющими с пользой применять его в разных науках, и в частности в культурологии. Термин «ментальность» — удачное теоретическое выражение и

обобщение характеристик реального феномена (ментальной сферы, состоящей из стереотипов, автоматизмов мышления, установок, обусловленных культурой, ценностных систем и т. д.). При том теоретическое понятие «менталитет» остается тесно связанным с действительностью, поскольку ментальность не абстрактна, не существует сама по себе, вне времени, пространства, конкретной социальной группы. Соединение неотрывности от реальности и достаточно высокого уровня обобщенности делает понятие пригодным для исследования жизненных явлений. Культурология, будучи наукой, притязающей на выведение теорий, обобщающих и подытоживающих культурный опыт человеческих сообществ, с одной стороны, и постоянно взаимодействующей с действительностью — с другой, испытывает нужду в понятиях, подобных менталитету.

Ученые, задействованные в исследованиях ментальной сферы, не отрицают недостатки понятия, но провозглашают наличие в нем способности отражать особый взгляд на мир, складывающийся в различные исторические эпохи, специфику воздействия времени на человека, а также возможности узнать, руководствуясь им, нечто новое о прошлом и настоящем. К примеру, Ф. Граус, представитель современной школы «Анналов», говорит об эвристичности понятия, о том, что оно «позволяет продвигаться дальше в давно разрабатываемых областях исследований, там, где традиционная метода не дает эффекта (в изучении ведовства, легенд и мифов и т. п.)» [цит. по: История ментальностей..., 1996, 79]. А. Я. Гуревич признает неопределенность, расплывчатость и амбивалентность понятия «менталитет». Вместе с тем, по его мнению, вдумчивое и сугубо осторожное использование понятия позволит получить удовлетворительные результаты. А. Я. Гуревич видит главное достоинство понятия ментальности в предоставляемой им возможности увидеть поведение индивидов и коллективов людей изнутри, а не извне, с позиции стороннего наблюдателя, попытаться проникнуть во внутренний мир человека отдаленных эпох [см.: Гуревич, 2005б].

Практика показывает, что в исследованиях ментальной сферы, ведущихся гуманитарными науками, в том числе и культурологией, без понятия, близкого «менталитету», обходиться сложно, так как область ментальности, которую описывают при помощи данного термина, существует и требует изучения, тем более что достойной замены ему пока не находится. Похожие понятия возникают, но и они не оказываются избавленными от несовершенств. Например, Ж. Ле Гофф предложил использовать термины «воображаемое», «образы», «представления» [см.: Там же], П. Рикер сформулировал концепцию репрезентации, Дж. Ллойд, выступавший против понятия менталитета, заменил его концепцией «стиля поиска» [см.: Рикер, 2004]. Нетрудно заметить, что альтернативные термины способны быть столь же неотчетливыми и нестрогими.

Особенно нуждается в понятии менталитета культурология, работающая и с ментальной сферой в целом, и с отдельными ее составляющими — системами ценностей, культурными стереотипами, установками. Использование данного понятия, невзирая на его недостатки, необходимо культурологии по той еще причине, что понятийный аппарат молодой науки, находящейся в процессе становле-

ния, пока не вполне сложился и постепенно формируется, включая в себя самостоятельно выработанные понятия и те, что заимствованы из других наук (философии культуры, психологии, социологии, истории). Понятия, привлеченные культурологией из родственных наук, не остаются в первоначальном виде, преобразуются в понятия собственно культурологические. Среди подобных — понятие ментальности, которое постепенно превращается из историко-психологического, социологического в культурологическое, позволяет подвергать рассмотрению область ментальности с культурологических позиций. Не исключено, что употребление понятия «менталитет» способно принести пользу не только культурологическому анализу ментальной области, но и оказать содействие развитию самой культурологии.

Представляется, что применение концепций, основанных на идее ментальности, может быть методологически плодотворным в культурологических исследованиях. Однако для этого необходимо соблюдение нескольких важных условий.

1. Сфера ментальности в концепциях ментальности должна быть структурирована, в ней нужно выявить главное и второстепенное, подчиняющее и соподчиненное. Такая мера позволит точнее обозначить предмет исследования — саму ментальную сферу.

2. Надо описать механизм формирования ментальных установок и воздействия ментальных матриц на индивидуальный внутренний мир человека.

3. Не распространять воздействие ментальных стереотипов и установок на большие сообщества (нацию, этнос), применять данное понятие в отношении малых сообществ (социокультурных слоев и страт, субкультур). Это может способствовать формированию более тонкого, дифференцированного подхода к феномену менталитета, учесть сложность строения социума и его культуры.

4. Предельно конкретизировать понятие ментальности, четко установить его суть путем выведения из многообразия определений менталитета общих значений.

5. Не определять менталитет через уже существующие самостоятельные научные понятия, такие как картина мира, коллективные представления, дух народа и пр., столь же расплывчатые, как и понятие менталитета, так же требующие конкретизации.

6. Совершить понятийное разделение терминов «менталитет» и «ментальность», что «разгрузило» бы чересчур насыщенное смыслами единое понятие («менталитет» или «ментальность», употребляемые как синонимы). Возможно, это бы позволило четче отражать область ментальности.

7. Отказаться от использования понятия в качестве всеобщего объяснительного принципа, очертить границы его применимости.

Следуя обозначенным условиям, культурология сумеет скорректировать недостатки, связанные с употреблением понятия «менталитет», повысить эффективность использования и в полной мере воспользоваться его достоинствами. Конечно, этот процесс требует немалых усилий сообщества ученых-культурологов и, вероятно, займет большое количество времени. Однако в недавних работах куль-

турологов налицо позитивные сдвиги, допускающие предположение о том, что современная культурологическая наука движется именно в этом направлении.

Бессмертный Ю. Л. «Анналы» — переломный этап? // Одиссей. М., 1991а. С. 8—25.

Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демогр. истории Франции. М., 1991б.

Бессмертный Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков. По северофранцузским и западнонемецким материалам. М., 1969.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986.

Даркевич В. П. Пути средневековых мастеров. М., 1972.

Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. М., 1988.

Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // Философские дескрипты. 2002. Вып. 2. С. 36—44.

Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987.

Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://donntu.edu.ua/russian/strukt/kafedrs/phil/works/etn_mental/title.html, 1998.

Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. М., 1991. С. 49—60.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции. Послесловие к книге Ле Гоффа Ж. «Цивилизация Средневекового Запада». Екатеринбург, 2005а.

Гуревич А. История в человеческом измерении: (Размышления медиевиста) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html>, 2005б.

История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

Культурология, XX век: Энцикл. Т. 2. СПб., 1998.

Полежаев Д. В. Психология социальной установки в контексте исследования ментальных феноменов [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://borytko.nm.ru/papers/subject3/polezhaev.htm>, 2001.

Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет?: Историогр. заметки // Отеч. история. М., 1995. № 3. С. 158—166.

Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

Современная западная философия: Слов. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/189/word>.

Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/183/word>.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков: эпоха, быт, костюм. М., 1978.

Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995.

Статья поступила в редакцию 10.12.2007 г.